

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Евгения Владимировна БАРАБОЛЯ,
ассистент кафедры отечественной истории
и методики преподавания истории. Уссу-
рийский государственный педагогический
институт. E-mail: evgeniyavlad@gmail.com

В середине XIX в. Россия значительно расширила свои владения, присоединив Приамурье и Уссурийский край. В силу особого для Российской империи значения пространства, геополитические проблемы становятся актуальными в среде российских политиков и общественных деятелей, пытавшихся выстроить концепцию русского движения на Дальний Восток, которая удовлетворяла бы потребности государства в национальной идее и национальном самосознании.

Ключевые слова: империя, теория официальной народности, идеологическая оппозиция, азиатский мессионизм, внешнеполитический, концессии, Пекинский договор, перспективы, Восточная Сибирь, территория, идеология.

The Russian policy in the Far East in the mid 19th c. E.V. BARABOLYA.

The author of the article "Priamurye and national trends in Russia in the mid 19th c." Assistant of the Chair of Russian History of Ussuriisk State Pedagogical Institute E.V. Barabolya writes that in the middle of the 19th century Russia has increased her ownership attaching Priamurye and Ussuriisk region. Because of special significance for the Russian Empire space, geopolitical problems are relevant in the environment of Russian politicians and public figures who tried to build the concept of movement in the Russian Far East to meet the needs of the State in the national idea and national identity.

Key words: Empire, theory of official nationality, ideological opposition, Asian Messianism, the Peking Treaty, perspectives, Eastern Siberia, territory, ideology.

Закрепление за Россией Приамурья происходило в атмосфере идеологического обновления и поиска мощных национальных стимулов для возрождения русского государства. Поражение в Крымской войне вызвало насущную потребность интеллигенции в познании собственной национальной сущности, поиске ярких образцов, подтверждающих исключительность и уникальность России. «Восток — не Запад» — под таким названием читал лекции М.П. Погодин, профессор русской истории в Московском университете: «Мы видим другой климат с Запада, различный характер... развитие, различный склад ума, различные верования, надежды, желания... различную историю. Всё отлично» [19, с. 299]. По его мнению, нужно было убедить мировую общественность в неповторимости России. Поэт Владимир Одоевский, например, так выразил эту идею особого предназначения России: «Запад погибает!» — восклицал

он. — «Именно мы должны вдохнуть новую жизнь во всё. Мы должны наполнить нашим духом всё мировое человечество. Наша победа — победа науки, искусства и веры — ждёт нас на руинах ветхой Европы» [7, с. 101]. Именно этот мессианский импульс породил огромное желание экспорта всего национального и стал источником идеологической оппозиции теории официальной народности и внешнеполитическому курсу Николая II.

В условиях военного и дипломатического поражения России в Европе Азия стала единственно значимым направлением русской политики, ареной её будущего политического влияния и экономической деятельности. Она предоставляла России возможность продемонстрировать миру, что русская национальная энергия и способность к независимым достижениям не были утрачены в период николаевской стагнации и не уничтожены позорным поражением в Крымской войне. На азиатской арене Россия могла вернуть себе политическое могущество, утраченное в период молчаливого согласия с Европой и стремления сохранить мировой статус-кво. А. Хомяков в первые дни войны с сожалением писал М. Погодину о том, что Россия пренебрегала своим «...естественным инстинктом и так долго была поглощена Европой» [4, с. 16].

Для характеристики Азии, и Китая в особенности, использовали слово «неподвижность», с которым ассоциировали социальную, политическую и культурную отсталость, а это подразумевало уже новое отношение к региону. Российское общество на огромном Азиатском континенте увидело блестящие перспективы для реализации задуманных национальных проектов, идеологически подпитанных особыми «мессианскими обязанностями» России.

Рассуждения русской передовой общественности изначально строились на главном тезисе — Азия законно принадлежала России, во-первых, в силу географического местоположения Русского государства (оно территориально поглощало Азию), во-вторых, — в силу её специфического исторического развития. Характерен в связи с этим взгляд А. П. Баласогло, образованного радикала из кружка петрашевцев: «Восток принадлежит нам на естественноисторических основаниях. Он был куплен кровью России в татаро-монгольском завоевании» [9, с. 44]. Таким образом, идеологический механизм был запущен. Через концепцию национальной миссии Россия приобретала благородное и достойное обоснование своей исторической судьбы и ставила себя по отношению к Западу в положение паритета. Ещё окончательно не были оформлены имперские доминанты в будущем расширении России, но государственные и общественные деятели от консерваторов до радикалов с одинаковым энтузиазмом восприняли эти идеи как «лучшее средство сопротивления влиянию Запада» и как «противовес превосходству западных принципов, которые угнетают наше национальное развитие» [6, с. 33].

Переориентация внимания России к Азии после трагических для русского осознания последствий Крымской войны не означала решительного отказа от европейского направления. Действительно, можно пред-

положить, что Азия была идеологическим инструментом, позволившим России спроецировать западные отношения, заложником которых стало русское общество эпохи Николая I, и продемонстрировать на новой и неизвестной азиатской арене собственное преимущество, которое являлось, в свою очередь, дополнительной компенсацией за неудачи и потери на западном направлении. Таким образом, российский азиатский мессианизм, возникший из конфронтации с Западом и направленный на формирование собственной национальной идентичности, вступал в противоречие с представлениями о возможности связаться с Европой и выразить ей свою расположенность и солидарность [5, с. 304]. Противоборство азиатских и западных представлений нашло отражение в правительственных действиях на Дальнем Востоке.

Взгляды Н. Н. Муравьёва, безусловно, сыграли значительную роль в формировании нового курса. Фигура молодого и энергичного восточно-сибирского генерал-губернатора вызывала различные оценки как в Сибири, так и в Санкт-Петербурге. Русский писатель И. А. Гончаров так отозвался о Муравьёве: «Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями! Да это отважный, предприимчивый янки! Небольшого роста, нервный, подвижной. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него. Это и боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях...» [8, с. 9]. Анархист М. А. Бакунин, приходившийся родственником Муравьёву и оказавшийся в сибирской ссылке, был ещё более восторженным в оценках генерал-губернатора: «Благородный, деятельный, энергичный и во всех отношениях замечательный человек, солнце Сибири, с исчезновением которого всё здесь погрузится в мрак...» [2, с. 296]. К самым известным критикам Н. Н. Муравьёва следует отнести Д. Завалишина, который указал на него как на деспота с очень развитыми амбициями и тщеславием. А военный министр Д. А. Милютин писал в своём дневнике: «...у Муравьёва было много хороших качеств для администратора; но, конечно, были и недостатки: несколько лёгкое отношение к делу, много для блеска, для популярности и фаворитизм... щеголял своим либерализмом» [10, с. 120]. Однако, по замечанию Б. А. Милютина, чиновника, служившего в канцелярии генерал-губернатора, «...в третьем отделении знали истинную цену демократизму и «революционным» замыслам Муравьёва». Следует отметить, что официальное положение генерал-губернатора обязывало его следовать в рамках консервативного правительственного курса. Однако в условиях отдалённости вверенного ему региона и в силу своего либерально-демократического мировоззрения, проявившегося ещё в период военной карьеры в Турции, на Кавказе и в Туле, с его именем стали связывать самые смелые оптимистические прогнозы для Сибири и Дальнего Востока.

То, что относили современники к чертам характера Муравьёва (личные амбиции, тиранические наклонности и оппортунизм), скорее было проявлением определённых принципов, ставших хорошо заметными

в его действиях на Амуре. Муравьев выступал за сохранение национальной целостности России не только через изменение внутривнутриполитических условий в стране, но и посредством её внешней территориальной и политической экспансии. Он мечтал об успехах на Дальнем Востоке, где Россия была способна взять «реванш за всё то, что она терпит от Запада» [18, с. 478]. Вторжение европейских государств в Китай представляло угрозу экономическим интересам, безопасности и территориальной целостности Российского государства. К началу 1850-х гг. генерал-губернатор выдвинул широкомасштабную имперскую программу. Суть её сводилась к «...обеспечению естественных границ империи: Камчатка, Восточный океан, Охотское море, устье Амура, Забайкальская область. Потеря этих пространств не может не вознаградиться никакими победами и завоеваниями в Европе» [3, с. 105].

Амур представлялся важным для Муравьева в деле решения внешнеполитических проблем с Китаем. Для закрепления и дальнейшего развития торговых отношений с азиатским государством России было важно закрепиться в устье Амура и приобрести права на свободное плавание по реке. Такие действия, по мнению Муравьева, дали бы России, во-первых, границу, хорошо, очерченную и естественным образом защищённую, но главное, обеспечили бы Русскому государству прибыльную китайскую торговлю. Кроме этого, Амур прокладывал путь к плотно заселённым областям Северного Китая. Таким образом, план активной политики Муравьева на Дальнем Востоке отличался двойственностью. С одной стороны, он был направлен на защиту территориальных и экономических интересов России, с другой — предполагал возможность её участия как европейского государства в формировании «российской сферы влияния» в Китае, учитывая перспективы Амурского бассейна, обеспечивавшего выход через сеть внутренних рек в Северную Маньчжурию. Главным препятствием в осуществлении российских имперских замыслов Муравьев называл серьёзное британское влияние в Восточной Азии и возможность Англии в будущем «...завоевать Камчатку и управлять побережьями Китая и Японии» [24, с. 154]. Поэтому генерал-губернатор предложил единственный способ установить законные и естественные преимущества России на Дальнем Востоке: судоходство по Амуру и определение этой реки в качестве границы с Китаем.

Просьбы Муравьева об активизации дальневосточного курса наталкивались на сопротивление министров и советников, близких к царю. Министры финансов Е.Ф. Канкрин и иностранных дел К.В. Нессельроде, глава Азиатского департамента Л.Г. Сенявин и военный министр А.И. Чернышев были преданы царю и в течение многих лет реализовывали консервативные принципы теории «официальной народности», являясь убеждёнными противниками внутренних социально-политических изменений и реформ. Они проявляли беспокойство за судьбу русско-китайских отношений и были против демонстрации экспансионистских намерений России перед европейскими державами на Дальнем Востоке.

Муравьёв заручился поддержкой независимой группы участников споров, являвшихся членами царской семьи и разделявших популярные взгляды на реформы, ощущая потребности страны в смене национальных приоритетов. Взгляды чиновников не были радикальными, но само их присутствие в правительстве и непосредственная близость к царю способствовали, в конечном счёте, решению Амурского вопроса. К числу важных правительственных лиц, фигурировавших в этой группировке, следует отнести Л.А. Перовского, служившего при Министерстве внутренних дел с 1841 по 1852 г., его брата В.А. Перовского, чиновника и военного губернатора Оренбурга, и Е.П. Ковалевского, возглавлявшего с 1856 по 1861 г. Азиатский департамент при Министерстве иностранных дел. Среди членов императорской семьи в эту группу входили великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Елена Павловна. В известном на весь Петербург салоне великой княгини, пользовавшейся доверием и уважением Николая I, собирались светила российской и европейской науки и искусства. Среди гостей были поэты Ф. Тютчев и В. Одоевский, естествоиспытатель А. Гумбольдт и будущий генерал-губернатор Восточной Сибири. Константин Николаевич отличался либеральными взглядами, при его поддержке издавался журнал «Морской сборник», являвшийся в то время печатным органом, способствовавшим реформированию Русского государства. В 1853 г. он был назначен главой Военно-Морского ведомства и это сыграло особенно заметную роль в развитии Амурского вопроса в 1850-х гг. Либеральные правительственные круги призывали если не к агрессивным, то хотя бы к решительным действиям России на внешнеполитической арене с целью продвижения и защиты русских интересов. Особое неприятие вызывали фигуры Нессельроде и Канкрин, которые имели нероссийское происхождение и явно доминировали в русском правительстве, сворачивая национальные инициативы.

Большинство представителей реформаторского лагеря были охвачены идеями новой азиатской идеологии и проявляли явный интерес к расширению сферы российских действий в Азии. Однако решительно действовать в новых условиях пришлось военно-морскому офицерству, сыгравшему значительную роль в событиях на Дальнем Востоке. Г.И. Невельской, близкий к реформаторским кругам и выразивший солидарность Н.Н. Муравьёву и А.П. Баласогло на собраниях Русского географического общества, осуществил известную своим патриотическим духом военно-морскую экспедицию на Дальний Восток и окончательно разрешил вопрос о судоходности Амура и местоположении Сахалина. Муравьёву представился случай блестяще доказать ценность Амура уже в августе 1854 г. при обороне Петропавловска, а в следующем 1855 г. при повторном нападении англичан на камчатский порт, используя географические данные Г.И. Невельского о том, что Татарский пролив доступен с севера, русской военной эскадре удалось ускользнуть из Петропавловска и прибыть в устье Амура, в Николаевск, где она была в безопасности.

После тщательного изучения карт и топографических описаний Николай I занял позицию Муравьёва — Амурский бассейн должен быть русским, а граница между Россией и Китаем пройдёт по Амуру. Нессельроде отстранили от дальнейшего обсуждения дальневосточных дел, а деятельность Невельского на Амуре с этого времени проходила под эгидой русского правительства и стала выражением официальной государственной политики.

Александр II, вступивший на престол в 1855 г., сумел увидеть, что в дальнейшем международное положение России будет определяться не только борьбой интересов на западноевропейском направлении, а прежде всего в Центральной и Восточной Азии. Поэтому уже с начала царствования он был готов поддержать идеологически оформленную программу расширения русского имперского влияния в Азии и опереться на тех людей в правительстве, которые могли привести эту программу в действие. В правительственную группу, направленную на «азиатскую перспективу», входили Е.П. Ковалевский, возглавлявший Азиатский департамент при Министерстве иностранных дел и Н.П. Игнатьев, сменивший его на этом посту, блестящий дипломат, заинтересованный в продвижении России в Азии. Ковалевский вместе с великим князем Константином Николаевичем, сохранившим положение главы Военно-Морского ведомства, являлись главными сторонниками азиатского направления в русской внешней политике. А.М. Горчаков, назначенный на пост министра иностранных дел вместо Нессельроде, не разделял взглядов этой группы, но был готов оказать поддержку в случае решительных действий на восточном направлении. В конечном счёте он помог им, дипломатически подготовив передачу Амура России.

Таким образом, Муравьёву удалось переломить ситуацию. Первым фактом нового отношения правительства к дальневосточным территориям стало послание Горчакова российскому послу в Соединённых Штатах в начале 1857 г.: «Мы имеем исторические права на устье этой реки... Свободная навигация по Амуру является для нас насущной потребностью» [20, с. 190]. Дальний Восток предложил новую возможность в виде территориальных компенсаций взамен утраченных Россией в период Крымской войны. Замыслы Муравьёва, таким образом, оказались полностью выполненными. Приобретение Приамурья позволило оживить национальный дух России после неудач Крымской войны и сориентировало национальное самосознание к поиску практической значимости и реализации самых заманчивых планов относительно новых территорий.

Выдающейся фигурой в этом отношении был молодой П. Кропоткин, который после окончания кадетского корпуса в 1862 г. отказался от военной карьеры и присоединился к казачьим формированиям, отправлявшимся для обустройства Приамурья. Свой поступок родным и близким он объяснил так: «Мои мысли поворачивались всё больше к Сибири, я прочитал всё об Амуре, об этом «Миссисипи Востока», о субтропической растительности его притока, Усури, и ход моих мыслей пошёл да-

лее... Я рассуждал, что в Сибири появилась огромная область для заявления больших реформ, где я могу применить свои силы» [15, с. 116]. Центральные газеты писали, что «прежде всего нужно было дать простор российскому мнению и российским силам, чтобы распрямить наши плечи после тяжёлого застоя» [16, с. 354]. Во взглядах правительства и образованной части русского общества ощущалась связь между реформированием, национальным возрождением и территориальным расширением Российской империи, связь, которая привела к особому видению и пониманию русского Дальнего Востока.

Европейцы, получив концессии в Китае, положили начало соперничеству между западными государствами за экономическое и политическое господство в Восточной Азии. Соединённые Штаты заняли Орегону и Калифорнию и обосновали здесь ряд удобных южных портов для развития тихоокеанской торговли. Эти факты говорили о том, что Тихий океан становился ареной будущего мирового экономического развития. Ожидания и надежды связывались с новыми азиатскими территориями. Отчётливо и глубоко эту мысль выразил Д. И. Романов (помощник Муравьёва в Иркутске и пропагандист амурского дела) в речи, посвящённой празднованию подписания Пекинского договора: «Сегодняшние события указывают, что здесь, на этом обширном океане, будут соединены интересы многих народов... Калифорния и Панама, с одной стороны, недавно открытый Китай и Япония — с другой, Австралийский континент и множество различных стран и народов, населяющих океан со всех сторон: всё это должно вызвать новые отношения» [22, с. 33—34].

Русский Дальний Восток благодаря Амуру виделся как будущий центр мировой торговли. В центральной прессе и периодической печати Восточной Сибири публиковались одобрительные комментарии к последним событиям на Тихом океане: «Взгляните на процветающую внешнюю торговлю Сибири, — сообщалось в статье петербургского журнала «Русский вестник», — это радует сердце! Семь иностранных судов уже появились на Амуре, и благодаря этому иркутское население дымит сигарами, привезёнными из Манилы и Гаваны через Николаевск, и заказывает вино у американских торговцев» [21, с. 368—369]. Вестник Русского географического общества воодушевлённо сообщал, что «Николаевск теперь комфортно оборудован магазинами, в которых представлен лучший выбор японской и китайской мебели, кондитерских изделий, фруктов, устриц, морских крабов, винограда и ананасов, швейцарского рома и тысячи других товаров, доставленных сюда морским путём» [26, с. 42—43].

Интерес иностранцев к Дальнему Востоку был достаточно высок. Известный русским правительственным кругам американец П. М. Коллинс, совершивший поездку по Восточной Сибири и Амуру, оставил интересные замечания о возможностях реки: «Могущественная нация должна подняться на её берегах и в её долине, а в устье этой могучей реки возникнет обширный город, который соберёт вокруг себя миллионы торговых людей» [11, с. 7]. Коллинс не упустил возможности уверить русское

правительство в необходимости строительства железной дороги, соединяющей Амур с озером Байкал, и открытия таким образом «системы речного судоходства, которое принесло бы значительные экономические выгоды» для Восточной Сибири и для иностранного капитала, в частности. В то время эйфория по поводу приобретения Приамурья была настолько сильной, что подавила неприятие иностранного присутствия в регионе.

О перспективах рельсового пути в Сибири писали и центральные российские журналы. Так, предлагалось связать железной дорогой бассейны рек Волги, Иртыша, Енисея и Амура и вовлечь в товарооборот европейские рынки, придав Амурской реке не только функции соединения России с Тихим океаном, но и более широкие возможности в осуществлении связи между Востоком и Западом. Такая ситуация, по мнению автора одной из публикаций, привела бы к изменению геополитического баланса между континентальной Россией и военно-морскими державами, в первую очередь Великобританией и Францией. Автор представлял Амур портом, объединявшим три части света — Европу, Азию и Америку и ставшим центром мирового товарообмена «...под эгидой российского орла, оберегавшего его от своекорыстного вмешательства тех, кто в настоящее время монополизует океанскую торговлю» [23, с. 593—594]. Следует заметить, что болезненный опыт Крымской войны уже начал сказываться на идеологических изменениях, заключавшихся в отходе от практики прежних прозападных отношений.

Несмотря на огромные расстояния, отделявшие Сибирь от центральной части империи, образованное общество к востоку от Урала было охвачено оптимистическими ожиданиями возрождения и преобразования России. Иркутский общественный деятель М. П. Шестунов так выражал эти настроения: «Летаргия прошла, и общество, отбросив кандалы прошлого, ощутило естественную потребность изменить основы предыдущей жизни. Люди теперь... желают знать о себе больше, хотят быть уверенными в собственных силах и двигаются по пути к самосовершенствованию и саморазвитию» [14, с. 195]. Р. А. Черносвитов после ареста по делу петрашевцев указывал на недостаток «окна», как он выразился, для связи Сибири, «прозябающей в апатии», с остальной частью мира. «Но вскоре явился архитектор», — обращался он к Муравьеву, который «...вместо окна открыл широкие ворота и прошёл через них как торжествующий завоеватель. Сибирь спала довольно долго, настало время ей проснуться... и следовать по широкому проспекту науки и просвещения. Ворота открылись для выхода, и сибирское общество призвано принять участие в этой общей человеческой активности» [25, с. 1]. Местная частная газета «Амур», разместившая публикации на своих страницах в начале 1860 г., подхватила этот призыв и объявила новое десятилетие «борьбой за сознание», которое, по словам М. Петрашевского, было ничем иным, как «обретением речи для немого» [17, с. 1]. Например, Бакунин в письме к Герцену подчеркнул особое значение близости открытого океана и его возможность влиять на будущее сибирских областей: «Сибирь те-

перь тесно связана с океаном, она перестала быть пустыней... и в Иркутске мы ближе к Европе, чем Томск. С Амуром Сибирь впервые получила осмысление» [1, с. 123].

Другая область сравнения Амура была связана с опытом открытия Миссисипи и освоения территорий Луизианы. Представлялось, что Амур, как и американская река, приведёт к такому же процветанию сельского хозяйства, промышленности и торговли, какое наблюдалось в Северной Америке. Миссисипи для большинства образованной части общества России была рекой, берега которой населены дикарями и которая в короткий срок оказалась водной артерией, несущей прогресс современной цивилизации в те места. Такие сравнения вели к размышлениям о возможности использования опыта американской колонизации для возрождения и развития российского Дальнего Востока.

Американские газеты демонстрировали интерес Соединённых Штатов к перспективе вхождения южных русских областей Дальнего Востока в орбиту тихоокеанской политики. Они характеризовали занятие Амурского бассейна как «...одно из самых больших предприятий нашего столетия», предсказывая, что русские «...имеют все причины убедиться, что через несколько лет Восточная азиатская Россия станет более важной, чем Калифорния». Американцы, заинтересованные в быстром хозяйственном освоении этих территорий, готовы были предложить себя в качестве колонизационного элемента. Александр Герцен, являясь редактором «Колокола», нелегальной газеты, печатавшейся за границей, хорошо знакомый с иностранной прессой, ощущал наметившееся сближение между двумя странами, разочарованными в европейской политике. Новые возможности проамериканской дипломатии он изложил 1 декабря 1858 г. в передовой статье «Америка и Сибирь» по случаю подписания Айгуньского договора. Крымская война, отмечал автор, окончательно показала России, насколько бессмысленна её борьба с Западом. Проиграв войну, Россия получила «моральное освобождение от Европы», позволила преодолеть «петербургскую традицию, рабски уважавшую всё иностранное». Всё, что для Запада являлось естественным продуктом исторического развития, подавляло и душило Россию и «поддерживалось только штыками жандармов». Именно с этой точки зрения Герцен осознал важность Амура для геополитического разрыва с прежней традицией, переместившего центр внутренней и внешней деятельности России в область, которая не имела ничего общего со старой системой. Амур виделся в прямой связи с Америкой: «Между Россией и Америкой простирается только большой солёный океан, где нет мира старых предубеждений, застывших концепций, подобострастия и застоя». Россия должна была освободиться от «свинцовой атмосферы Петербурга», бросить новый и независимый взгляд на мир, чтобы понять — союз между Россией и Америкой является естественным и необходимым [13, с. 233—235].

Кроме импульса к развитию сотрудничества между двумя странами произошло осознание того, что политический опыт, усвоенный

североамериканским государством по утверждению демократии и федерализма, может быть использован для устройства сибирской автономии. М. Бакунин, близко общавшийся в сибирской ссылке с Муравьевым, так описывал в письмах к Герцену возможное политическое будущее этих отдалённых территорий: «Нет сомнения, что со временем Амур оттянет Сибирь от России и даст ей независимость и автономию. Этому очень боятся в Санкт-Петербурге, где даже волновались, что сам Муравьев мог бы объявить независимость Сибири» [1, с. 123—124]. Таким образом, Герцен и Бакунин оценивали новое положение Сибири в связи с приобретением Амура как «крах петербургской традиции», однако к устройству внутренней жизни Восточной Сибири они относились по-разному. Для Герцена произошло разрушение прежнего официального центра России и смешение его прогрессивных сил на Дальний Восток. Бакунин, наоборот, видел в амурском деле распад имперской России с возможностью высвобождения её пограничных территорий в самостоятельные образования. В этом смысле Амур приобретал положительное значение только для Сибири, так как становился предвестником её независимости.

Таким же двойственным было их отношение к Америке через видение амурского региона и Сибири в целом. Во-первых, это взгляд как на государство прогрессивное, динамичное и полностью неевропейское, с которым образованная часть русского общества связывала прививку прогрессивных форм управления. С другой стороны, Америка показала процесс национального строительства, возрождавшего цивилизацию на совершенно диких территориях путём быстрой колонизации, распространения сельского хозяйства и развития городской жизни. Именно в южной части Дальнего Востока, в Приамурье, находилась тогда эта «Америка», с которой русское общество желало не просто соединиться, а стремилось приспособить её для своих целей. Сибирский публицист М. Зензинов в письме в иркутскую газету в 1860 г. указывал, что теперь и он охвачен общим энтузиазмом по поводу создания Америки в России: «Обширные территории Амура и изобилие их естественных снабжений представляют возможность российскому колонисту развить свои силы» и, в конечном счёте, этой области «стать благополучным российским Кентукки» [12, № 39].

Таким образом, либеральное направление в правительстве увидело в аргументах Муравьева средство вырваться из душной атмосферы николаевского времени на широкий азиатский простор, где можно было обрести новое международное положение. С этой точки зрения, Приамурье являлось важным идеологическим стимулом в деле обновления Русского государства и поиска его национальной идеи. С одной стороны, Амур давал возможность реализации самых смелых планов относительно обустройства собственной «азиатской Миссисипи» и построения на его берегах демократического государства, с другой — приобретение новых территорий стало важным шагом в оформлении идеологии имперского расширения на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакунин М.А. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огарёву. СПб., 1906.
2. Бакунин М.А. Письмо М.Н. Каткову. 21 января 1859 г. // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем (1828—1876). В 4 т. Т.4. В тюрьмах и ссылке. 1849—1861. М., 1935.
3. Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. В 2 т. Т.2. М., 1981.
4. Барсуков И.П. Жизнь и труды М.Н. Погодина. В 22 т. Т.13. СПб., 1888—1906.
5. Бассин М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005.
6. Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам 1816—1881. СПб., 1887.
7. Ветринский Ч. Сороковые годы XIX в. // История русской литературы XIX в. В 5 т. М., 1910. Т.2.
8. Гончаров И.А. По Восточной Сибири: В Якутске и Иркутске // Русское обозрение. 1891. № 1.
9. Десницкий В.А. Дело петрашевцев. В 3 т. Т.2.
10. Дневник Д.А. Милютина. В 4 т. Т.4. 1881—1882 г. М., 1950.
11. Донесение Коллинса об Амуре // Иркутские губернские ведомости. 1858. № 28.
12. Зензинов М. Письмо из Нерчинска // Амур. 1860. № 39.
13. Искандер (Герцен А.И.). Америка и Сибирь // Колокол. 1858. № 29.
14. Козмин Н.Н. М.В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.
15. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
16. Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX—начало XX в. Л., 1974.
17. Местное обозрение // Амур. 1860. 1 янв. С. 1.
18. Муравьев Н.Н. — Корсакову М.С. (1 дек. 1856 г.) // Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. В 2 т. Т.1.
19. Погодин М.П. О русской политике на будущее время // Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856. М., 1874.
20. Попов А. Царистская дипломатия в эпоху тайпинского восстания // Красный архив. 1927. № 21.
21. Романов Д. Письма с реки Амура // Русский вестник. 1858. № 8.
22. Романов Д. Последние события в Китае и значение их для России. Иркутск, 1861.
23. Сафронов А. О Сибирской железной дороге // Северная пчела. 1858. № 135. С. 593—594.
24. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири 1848—1854 г. СПб., 1889.
25. Черносвитов Р.А. Несколько слов о том, кто приложил руку к делу начала свободы в торговле — утописты или люди практичные // Иркутские губернские ведомости. 1860. № 13.
26. Экспедиция г. Оттона Эше на Амур // Вестник Императорского Русского географического общества. 1858. № 11.